

Глава 2

Когда до Чжу Цзылина дошло, что Жун Чжао просто вытирал крошки с его губ, он ощутил жгучую неловкость. Юноша явно переоценил ситуацию, едва не усомнившись в мужской состоятельности Ли-вана. К счастью, он не озвучил свои подозрения вслух, иначе вина его была бы непростительна.

К тому же, тайком уплетать сладости в день свадьбы — поступок для ванфэй не самый достойный. Чжу Цзылин всерьёз обеспокоился: не разгневется ли Ли-ван по-настоящему?

«Может, сказать, что это помада размазалась?» — размышлял он.

В конце концов, обычный мужчина, а тем более такой, как Жун Чжао, у которого никогда не было ни жён, ни наложниц, вряд ли отличит съеденное печенье от размазанного грима.

После всех этих волнений голод вновь заявил о себе с удвоенной силой. Чжу Цзылин осмотрел опочивальню: единственным, что здесь можно было употребить внутрь, оказался кувшин с вином Хуадяо, предназначенным для ритуала «чаш влюблённых».

Юноша колебался лишь мгновение. Он решительно поднялся, подошёл к дверям и, приоткрыв их, высунул голову наружу. В ту же секунду перед его лицом блеснули два холодных лезвия.

К счастью, он заранее почувствовал чужое присутствие и успел подготовиться, так что на этот раз боевые рефлексы не взяли верх. Он лишь невинно посмотрел на двух караульных, преградивших ему путь.

Новоиспечённому супругу принца не полагалось покидать покои до полного завершения всех обрядов. Стражи, пребывая в состоянии предельной бдительности, мгновенно скрестили алебарды перед грудью Чжу Цзылина.

— Куда направляется ванфэй? — сурово осведомились воины, глядя на него с нескрываемым подозрением.

— Э-э... на кухню? — неуверенно отозвался Чжу Цзылин.

Лица солдат потемнели:

— Ванфэй запрещено покидать комнату.

Оценив их непреклонность, юноша понимающе кивнул:

— Мне не обязательно выходить самому. Просто сходите на кухню и принесите мне чего-нибудь поесть.

Дозорные переглянулись.

— Князь приказал нам охранять двери. Мы не имеем права покидать пост.

Новый супруг только переступил порог поместья, его намерения были неясны. Кто знает, ищет ли этот юноша возможности навредить их господину? За ним следовало приглядывать в оба глаза.

— Тогда пусть принесёт кто-нибудь другой, — не сдавался Чжу Цзылин.

— Здесь больше никого нет, а нам отлучаться запрещено, — отрезал один из караульных.

Чжу Цзылин нахмурился:

— Но я хочу есть.

Служители поместья оставались безучастны к его мольбам.

— Извольте дождаться возвращения Его Высочества.

Чжу Цзылин почувствовал, как в душе закипает недовольство. Он помолчал мгновение, а затем внезапно обернулся к не приметному камню в декоративном саду:

— Разве там не прячется ещё один? Пусть он и сходит.

Воины оторопели. Помимо них, во дворе действительно находился аньвэй, чей приказ заключался в тайном наблюдении за новой ванфэй. Но даже они не знали, где именно затаился мастер тени. Неужели Чжу Цзылин сумел обнаружить его с одного взгляда?

«Наверняка угадал случайно...» — пронеслось в их головах.

Однако в следующую секунду из-за камня бесшумно выскользнул молодой человек в чёрных одеждах.

— ...Приветствую ванфэй.

Аньци не ожидал, что его укрытие будет раскрыто столь бесцеремонно. Поколебавшись, он всё

же предстал перед Чжу Цзылином и отвесил глубокий поклон. Лицо тени было предельно серьёзным. Подойдя ближе, он ещё раз убедился: перед ним юноша, совершенно не владеющий боевыми искусствами. Это лишь добавило загадок.

Хотя Аньци и не мог сравниться в мастерстве с их господином, в искусстве маскировки и сокрытия дыхания он считался одним из лучших. Порой даже великие мастера не могли заметить его присутствия. Он не совершил ни единой ошибки — так как же этот хрупкий на вид Чжу Цзылин смог так точно указать его местоположение?

Тень нахмурился, и при виде его смятения лица стражников побледнели от изумления. Сам же виновник переполоха нисколько не заботился о том, какое впечатление произвёл.

— Теперь-то ты можешь принести мне еды? — деловито спросил он.

— ...Слушаюсь, — выдавил Аньци.

Вскоре тёмный страж вернулся. Лицо его казалось одеревеневшим.

— Докладываю ванфэй: на кухне ответили, что все заняты подготовкой праздничного пира... и лишних блюд, которые можно было бы отправить вам, сейчас нет, — голос Аньци становился всё тише, он не решался поднять взгляд на собеседника.

В поместье принца не могло не найтись еды для супруга хозяина. Даже если бы запасы иссякли, повара обязаны были немедленно приготовить всё, что пожелает ванфэй. Управляющий кухней осмелился на такую дерзость лишь потому, что был уверен: Жун Чжао презирает этот брак, а значит, Чжу Цзылину в поместье не видать ни почёта, ни защиты.

Однако Аньци, чей пост только что был раскрыт, понимал: этот юноша далеко не так прост и беззащитен, как кажется. Оставалось лишь гадать, чем обернётся для наглого повара его самоуправство.

Чжу Цзылин не был дураком и прекрасно понял скрытый смысл этих слов. Однако он не выказал ни гнева, ни обиды. Напротив, он на мгновение задумался и совершенно спокойно произнёс:

— В таком случае... пойдите и передайте Его Высочеству... — он тщательно подбирал слова. — Пусть он, когда будет возвращаться, захватит мне немного обедков с праздничного стола.

На пиру наверняка подают лучшие деликатесы, и еды останется в избытке. Зачем добру пропадать?

«...»

Аньвэй и стражники замерли, сомневаясь, не подводит ли их слух. Они переглянулись, надеясь найти в глазах товарищей хоть каплю понимания, но обнаружили там лишь такой же бездонный шок.

Этот ванфэй говорит серьёзно?! Заставить их господина нести кому-то объедки? Это же верная смерть!

Поколебавшись, Аньци всё же вынужден был подчиниться.

— ...Что же, я попробую доложить об этом Его Высочеству, — пробормотал он, чувствуя, как немеет язык.

Когда аньвэй, оставленный следить за Чжу Цзылином, внезапно предстал перед Жун Чжао и передал просьбу, принц помрачнел.

— Чтобы я... принёс ему объедки? — медленно повторил он.

Голос звучал тихо, но в нём ощущалось сокрушительное давление. Аньци, обливаясь холодным потом, во всех деталях пересказал произошедшее у дверей опочивальни.

Когда Жун Чжао услышал, что Чжу Цзылин с лёгкостью указал на тайный пост аньвэй, его взгляд стал предельно сосредоточенным. А после слов о пренебрежении поваров лицо принца и вовсе превратилось в ледяную маску. Некоторое время он молча смотрел в пустоту.

— Позовите ко мне Ван Сяньхэ.

Чжу Цзылин снова заперся в комнате, ожидая, когда Жун Чжао вернётся с добычей. Вскоре он услышал шаги за дверью и бросился открывать, с надеждой глядя на вернувшегося тёмного стража.

Аньци под этим взглядом стало не по себе. Он с трудом выдавил:

— Его Высочество сказал, что принял это к сведению.

— А? — Чжу Цзылин разочарованно нахмурился. — Принял к сведению — это значит «да» или «нет»?

В вопросах, касающихся еды, юноша не признавал двусмысленности. Он на мгновение задумался и снова обратился к стражу:

— Тогда будьте добры, сходите ещё раз. Напомните Его Высочеству, чтобы он непременно захватил еду. И желательно побольше.

Он посмотрел на Аньци предельно серьёзно и доверительно. Аньвэй, которого с детства учили не бояться смерти, в этот момент готов был разрыдаться. В прошлый раз, услышав доклад, Ли-ван выглядел более чем угрожающе.

«Хотя князь никогда не казнил своих верных слуг, его нынешний вид внушал не меньший ужас, — Аньци поежился. — Неужели этот мужчина-ванфэй совсем не боится разгневать господина?»

Тень уже мучительно подбирал слова, чтобы уговорить юношу оставить эту затею, как вдруг Чжу Цзылин резко повернул голову. Его глаза буквально засияли. Откуда-то издалека донёсся едва уловимый аромат свежих блюд.

— Неужели князь уже вернулся? — Чжу Цзылин мгновенно приободрился.

Аньци был потрясён. Неужели Его Высочество действительно лично несёт кому-то остатки ужина? Это невозможно!

Однако, разглядев приближающихся, он с облегчением выдохнул. К счастью, Ли-ван не нёс никаких корзинок. К покоям приближались слуги с кухни, неся несколько тяжёлых термосов для еды. Выглядело это подношение весьма внушительно.

Возглавлял процессию управляющий Ван Сянхэ. С хитрой улыбкой он поклонился Чжу Цзылину:

— Приветствую ванфэй. Старый раб — управляющий этим поместьем, Ван Сянхэ. Его Высочество узнал, что вы изволили проголодаться, и велел немедленно доставить свежеприготовленные яства. А тот наглый повар, что посмел проявить к вам неуважение, уже наказан палками и вышвырнут вон.

Ван Сянхэ улыбался учтиво, но в его словах сквозила прохлада. Было ясно: Ли-ван остался крайне недоволен просьбой супруга.

— Вы теперь — ванфэй. Если чего-то пожелаете, просто велите приготовить, и кухня всё исполнит. Не стоит и помышлять об остатках с чужого стола. И уж тем более не стоит просить о таком Его Высочество.

Однако Чжу Цзылин, завидев еду, уже не слышал ничего другого. Весть о том, что Жун Чжао по собственной воле заменил «объедки» свежими блюдами, привела его в восторг. Он не

сводил глаз с коробов и радостно воскликнул:

— Значит, теперь мне не нужно беспокоить князя, чтобы поесть? Какая удача!

Ван Сянхэ, уверенный, что юноша просто искал предлог, чтобы привлечь внимание господина, лишился дара речи. Стражники за дверью тоже впали в ступор. Новый ванфэй был загадкой, которую они не могли разгадать.

Управляющий со сложным выражением лица удалился, так и не оставив слуг для личных услуг юноше. Дозорные вернулись к дверям, а Аньци, помучившись сомнениями, снова юркнул в расщелину в камнях.

Оставшись один, Чжу Цзылин с предвкушением открыл первый короб. Он ожидал увидеть жирное мясо и богатые закуски с пира, но, к его изумлению, все пять термосов были доверху набиты сладостями и выпечкой.

Здесь были самые разные виды: мясные, овощные, на пару и жареные во фритюре. Огромное разнообразие — и всё это исключительно кондитерские изделия. Ни одного основного блюда.

«...»

«Неужели он... издевается надо мной?» — мелькнуло в голове юноши.

Для человека, познавшего ужас голода, любая еда была в радость, но пять коробов сладостей сразу напомнили ему о недавнем происшествии, когда Жун Чжао прижал его к кровати, вытирая следы печенья... Похоже, уловка с «размазанной помадой» теперь точно не работает.

Чжу Цзылин вздохнул, взял пирожок с ветчиной и откусил кусочек. Постепенно разочарование сменилось удовольствием. Повара в поместье Ли-вана были мастерами своего дела. Пусть Жун Чжао и поймал его на воровстве еды, но в наказание прислал ещё пять коробов лакомств. Если посчитать — он остался в выигрыше.

«Ли-ван всё-таки хороший человек», — счастливо подумал Чжу Цзылин, уплетая угощение.

Тем временем на праздничном пиру столы ломились от изысканных яств и выдержанных вин, но мало кто решался к ним прикоснуться. Знатные гости и высокопоставленные чиновники ели медленно и осторожно, едва чувствуя вкус еды. К вину почти не притрагивались, боясь захмелеть и в пьяном угаре навлечь на себя гнев Ли-вана — ведь одно неосторожное слово могло стоить головы.

Атмосфера была далека от праздничной. За исключением Цзинь-вана, Юй-вана и пары старших членов императорской семьи, никто не осмеливался поднять чашу за здоровье Ли-вана. Все были уверены: князь в ярости от того, что его заставили жениться на мужчине, и даже вечно задиристые братья-принцы не спешили испытывать его терпение, ограничиваясь формальными поздравлениями.

Жун Чжао всегда презирал подобные сборища. Пробыв на пиру ровно столько, сколько требовал этикет, он собрался покинуть зал. Присутствующие вздохнули с облегчением.

Однако принц внезапно остановился и, обернувшись к замершим гостям, негромко произнёс:

— Вижу, всем вам пришлись по вкусу сегодняшние угощения.

Он вспомнил недавнюю просьбу об «объедках» и, глядя на побледневшие лица чиновников, решил, что если уж ему досаждают, то и они не должны наслаждаться покоем.

— Раз они вам так нравятся — извольте съесть всё до последней крошки, — Жун Чжао обвёл зал ледяным взглядом. — Постарайтесь, чтобы на тарелках не осталось ровным счётом ничего.

Гости застыли в оцепенении. Но, встретив полный мрачной ярости взгляд принца, они не посмели возразить и лишь покорно склонили головы. Когда Ли-ван вышел, вельможи сокрушённо переглянулись.

— Что это ещё за блажь?.. — прошептал кто-то.

— Кто знает? Наверняка он просто не в духе и решил выместить злость на нас.

Императорский стол был невероятно щедр, а в поместье Ли-вана, где кусок не лез в горло, задача опустошить тарелки казалась невыполнимой.

— Ли-ван действительно переходит все границы! Это возмутительно! Совершенно бесчеловечно! Это возмутительно! Совершенно не считаться с приличиями! — прошипел один из чиновников.

— ...И что же, мы действительно будем всё это есть? — с сомнением спросили остальные.

Выбора не было. Посмотрев друг на друга, вельможи вздохнули и принялись обречённо поглощать еду.

Едва Жун Чжао покинул пиршество, к нему подошёл его ближайший советник Фан Цзянь. Лицо его выражало крайнюю озабоченность.

— Ваше Высочество, в паланкине, на котором везли ванфэй, нашли вот это.

Фан Цзянь протянул принцу кусок замасленной бумаги, в которую обычно заворачивали снедь. Жун Чжао едва заметно прищурился, понимая, что это за улика, но советник продолжал со всей серьёзностью:

— Это наверняка принадлежало ванфэй. Пока неясно, что именно было в неё завернуто. С виду — обычная бумага от сладостей, но под этим прикрытием он мог пронести в поместье яд. Будьте предельно осторожны.

Люди Ли-вана относились к новому господину с крайним недоверием. Хотя законы и позволяли мужчинам вступать в брак, официальная супруга принца крови никогда не была мужчиной. Император выдал указ о «мужчине-ванфэй», прикрываясь защитой от проклятия, но на деле он просто хотел вычеркнуть Жун Чжао из списка претендентов на трон. К тому же, Чжу Цзылин был сыном министра Чжу Жуйхуна. Тот хоть и старался казаться нейтральным, но его тесть, граф Сяовэнь, принадлежал к фракции второго принца, извечного соперника Жун Чжао.

— Когда будете пить праздничное вино, лучше велите принести новый кувшин, — настойчиво посоветовал Фан Цзянь.

Жун Чжао посмотрел на клочок бумаги, задумчиво потёр сустав пальца и внезапно коротко усмехнулся. Прямолинейно пошёл бы он травить его...

Если Чжу Цзылин задумал что-то — что же, пусть пробует. Оставлять улики на губах после кражи еды, не владеть боевыми искусствами, но видеть аньвэй в тени...

Он очень хотел посмотреть, какую игру ведёт этот человек.

<http://bllate.org/book/15829/1427889>